

АЛЕКСЕЙ ЧЕЧУЛИН

**Березовое
солнышко**

Чечулин Алексей Иванович родился 9 июня 1943 года в городе Асбесте Свердловской области в горняцкой семье.

С 16 лет - рабочий на асбестовых рудниках. Служил в Советской Армии. После демобилизации Алексей Чечулин закончил факультет журналистики Казахского государственного университета. Работал в городской газете в Асбесте. В настоящее время - сотрудник свердловской областной газеты "Уральский рабочий". Стихи А.Чечулина печатались в газетах Урала и Казахстана, в еженедельнике "Литературная Россия", в журнале "Урал".

"Березовое солнышко" - первая книга молодого поэта.

В БОЛДИНО

Столпотворенье ласточек высоко.
Дымятся воды в болдинской осоке...
И как зерно,
Звеня на глубине,
Родилась песня первая во мне.
Не льщу себя надеждою напрасной
Греметь набатом.
 Знают звонари -
И самый звучный колокол
 не властен
Без колокольцев
 с миром говорить.

ОТЧИЙ КРАЙ

Отчий край
С вершин своих сутулых
На меня глядит из-под руки,
Чтоб пришел я из Баянаула,
Чтоб вернулся с Каратал-реки.
Помотало по свету немало,
Но и там,
Где только степь легла,
Мне горняцкой лампочки
 Урала
Ни одна метель
 не замела.

Такие года мои, что ли?

Река ли уснуть не дает?

Какую уж полночь

на поле

Заречном

Гармошка поет.

О чем же ты, тульская птаха?

Куда же твой голос зовет?

Мне б только накинуть

рубаху,

Да кличет на смену

Завод.

ПОСЕЛКИ

Замела в ночи поземка злая
Со всего бесовского плеча...
И насторожилась слева
 Лая,
Справа
 закачалась Баранча.
Горные уральские поселки,
Где завод,
 как сердце,
 тук да тук...
За версту узнаю ваши елки
И резные ставни -
 за версту.
Пусть вокруг меня поземка
 злится,
По сугробам черным грохоча.
Не дадут мне нынче заблудиться
Слева Лая,
 справа - Баранча.

В ЗАБОЕ

Когда в шестнадцать
Я попал в забой,
Не чуя ног неловких под собой,
Мне дали лом, надраенный
 до лоска,
И место -
С практиканткой из Свердловска.
Мы делали подсобную работу,
Но и от нас зависела братва.
И лично у меня была сперва
До пересменки дотянуть забота,
Хотя и так забойщики со стажем
Пытались нас частенько подменять,
Но девочка,
На год меня постарше,
Поблажек не хотела принимать.
Взлетали искры, обрываясь круто,
Как золотые яблоки в садах.
И мужики вздыхали почему-то,
Все чаще перекуривать садясь.
И ей, и мне
 не убежать от детства
И вспоминать забой
Как теплый дом,
Где выдали сначала
 спецодежду,
Свидетельство о зрелости -
 потом.

В РОДНОМ ЦЕХЕ

Через годы,
Всяко может статья,
Позабудешь даже пота соль.
В цех родной,
К моей начальной станции,
Снова катит жизни колесо.
Там все так же шумно.
В раздевалке
Поучает мастер молодежь.
Что же ты, Семеныч,
Елки-палки,
Старых горняков
 не признаешь?
Это верно,
Что давно в отлучке,
Но зато теперь уж отгощу.
Я тебя, Семеныч,
 самым лучшим
Табачком армейским угощу.

...Набухают почки за оконцем;
Паровозы хрипнут на басах.
МЫ дымим со стариком,
 и кольца
Неторопко тают в небесах.

МАТЕРИ

А маме моей шестьдесят два -
Пять сыновей и внуков пять.
...Веселые нынче в печи дрова,
И время
Течет
Вспять.
За прошлое, мама, наполни стакан!..
Когда фронт
Нуждался в броне,
Стояла мама моя у станка,
А значит -
 была на войне.
У мамы ноги болят к весне -
Былое отозвалось.
И белый-белый
 утренний снег
Ей не стряхнуть с волос.
Схожу
Принесу пожарче дрова,
Останутся про запас.
Маме моей шестьдесят два,
Пять внуков и пятеро нас.

Далеких дней утраченный покой.
Высокий снег летит над головой.

Когда мне было восемнадцать лет,
Весь мир сиял,
Огромный и прекрасный.
И не было ни холодно, ни мрачно,
Когда мне было восемнадцать лет.
Сгорали дни.
Меняли реки русла.
Над пашнями кричали журавли.
И я вставал на дыбки,
 словно суслик,
Перед тревожным холодом земли.
Тревоги века.
Каждая как гром,
Что так и метит молнией в мой дом,
В зеленый пух черемух над округой.
В коляски с малышами,
 в сердце друга.
И я пойму -
 не холоден, не мрачен,
Мир так же и огромен, и прекрасен,
Как десять лет назад,
Как двадцать лет...
Все выше древо жизни на земле.

ВОЗРАСТ

Вот и ко мне
 пришла закономерность -
Чем меньше жить,
 тем лучше надо жить.
Все безраздельней сердце
 ценит верность,
Когда в окне
 прощальный лист дрожит.
Наверное,
 в том есть первопричина,
Что даже даль осенняя -
 насквозь,
И ты живешь
 не почестью, не чином,
А к разуму
 прислушавшись
 всерьез.
Прижмусь к валкам
 уже созревшей ржи,
Чтоб ощутить
 родной земли вращенье.
Чем меньше жить,
Тем лучше надо жить,
Чтоб каждый день
 исполнился значенья.

ПАМЯТЬ

Далекий год.
Ему я благодарен
И памятью своей тянусь к нему.
Там жил да был такой высокий парень,
Такой высокий,
вспомню - и замру.

Он песни пел
в своем ларечке синем
И был высок:
Спасибо, табурет!
А очередь сердилась и бasila:
- А ну-ка, долговязый, побыстрей!
И у меня захватывало в горле:
Смеялся он -
Смеяться так он мог!
Как будто не его настигло горе,
Не у него - подставка
вместо ног.

Я эту память берегу до срока,
Когда ворвется в жизнь мою гроза...
Там, вдалеке, надрывно и жестоко
Послевоенный голосит базар...

НА СТАРОЙ МЕЛЬНИЦЕ

Никого здесь нет.
Набегом
Полонила двор трава.
Черепашками на берегу
Отдыхают жернова.
В человеческой жизни просто:
Жил, муку молот
 и вот...
И трава такого роста,
Что литовка не берет.
Наступив на сгнивший ставень,
Понимаю:
 на земле
Труд нелегкий -
 дом поставить,
Но оставить -
 тяжелей.
...В час, когда броня
 вздымалась,
Вышел мельник за порог...
А потом был бой, где малость
Сам себя не уберег.

О ЛОШАДЯХ

Мы лошадей любили,
 так любили,
Когда, в лугах запутавшись,
 они
Из белого тумана выходили,
Как жители таинственной страны.
После войны
В краю
Машин негусто,
Еще нехватка техники везде.
И лошади возили хлеб, капусту,
Дрова возили, воду и людей.
Одна из них,
Поджарая монголка,
Нам, пацанам, особенно мила.
Обмылки всем двором копили долго,
Чтобы отмыть лошадку добела.
Но сивке-бурке местного детдома
На гигиену было наплевать.
Горбушку - летом,
 а зимой - солому,
И мог ее ребенок оседлать.
Мы лошадей любили,
 так любили...
Мне стоит только в память
 забрести:
Идут они, забрызганные пылью,
И нечем было славных угостить.

ВАРЕЖКИ

Из дальнего детства,
 пожалуй,
Особо запомнилось мне,
Как варежки мама связала
К суровой уральской зиме.

В них я беззаботно бегал,
Тепла было - не занимать!..
Да, все мои зимние беды
Сняла рукодельница-мать.

А годы, а годы...
 Спохватишься,
Уж сам ты отец и зять...
Но самые теплые варежки
Умеют лишь мамы вязать!

БАСТРЫК

Какое слово странное -

Бастрык.

Произношу, а чудится -

мужик.

...Мы вяжем воз пахучего сенца,

И пьяными становятся сердца.

И батя, молодой, а не старик,

Прилаживает наверху бастрык.

Повязан, словно горец башлыком,

Горбатый воз надежным бастрыком.

С ним легче путь до нашего двора,

А там он пригодится -

на дрова.

Какое слово странное -

Бастрык.

Произношу, а чудится -

мужик.

И сена воз, летящий на весу,

И молодой отец мой на возу.

ДОМ

Катаем бревна,
Ставим брату сруб.
Венец к венцу, чтобы векам не тронуть.
И парусом - рубахи на ветру,
Как занавески будущего дома.
Не Бог нам в помочь,
 а знакомый люд,
До топора до плотницкого лют.
Ядреная работа, что веселье,
Перешибет
И хвори и похмелье.
И, потные от пяток до макушки,
Ковши роняем в глубину кадушки.
Хорош квасок из погреба со льдом!
Всем миром ставим дом.
Живи ладом!

Таится за окнами стужа,
В простенок залезть норовит.
Опять, расписанием разбужен,
Озябший вскричал паровик.

Прощай,
 золотая погода!
По графику жизни -
 зима.

Пылятся за печкой полгода
Два хитрых сибирских пима.

Уйду на рассвете в просторы,
Одетые в белизну.
Любую приветствую пору,
Любую погоду приму.
Зима ли,
 весна на пороге,
Листва ли летит на волне -
Была бы на свете дорога
Да эти поля в тишине.

У речки,
Где девчонкою калина
Заглядывает удивленно в синь,
Седой овес,
Как будто сом ленивый,
Разглаживает длинные усы.
Все так же здесь:
 и крутизна откоса
Со стайкою ромашек полевых,
И молодуха с озорною злостью
Вальком колотит мокрый половик.
Все так же здесь.
И все-таки иначе.
И понимаю разумом своим,
Что прежним быть -
 нехитрая задача,
Но труд напрасный -
 оставаться им.

Ветра яростную стрижку
Еле терпят тополя.
Черный лемех электрички
Режет белые поля.
И на каждой остановке,
Удивительно легки,
Люди сыплются
 с подножки,
Словно зернышки
С руки.

СЛОВО

Стыжусь коснуться белого листа,
Когда душа бесстрастна и пуста.

Стыжусь коснуться белого листа,
Когда душа сгорает, как листва.

И где-то вдруг неожиданно
 между ними -
Между огнем и тихой пустотой -
На золотой
 нещедрой
 половине
Приходит слово и владеет мной.

И, зная цену этому приходу,
Когда в заречье соловьи
 сродни,
Учусь
 негромким голосам
 природы...
И слышу самый крохотный родник.

Спасибо вам, июльские дожди!
Из грядок выкопав головки лука,
Холодных струй
Прозрачные ножи
Врезались в землю
 звонко и упруго.
Пять дней подряд испариной
 дымится
Отмытая от копоти земля
И пахнет так,
Как пахнут половицы,
Надраенные теркой добела.

ОГОНЬ

Есть что-то
Очень личное в огне
По осени,
 по заморозкам ранним,
Когда горит полсолнышка
 в голландке,
Его остатки светятся в окне.
Я понимаю,
Есть у нас всему
Природой установленные сроки.
Но, кажется мне, все-таки
 жестоко,
Что гаснет печь в родительском
 дому.

РОЩА

Через года,
Через границы
Ищу знакомую тропу.
И громко тенькают синицы,
И рыжик прячется в траву.
Лежу на ягоде помятой,
В ручей ладони опустил.
И все на свете мне понятно,
И непонятно все почти.
Хотелось жить светлей
и проще,
Любить и солнце,
и грозу.
Давно срубили эту рощу,
А я в ней до сих пор
Брожу.

ПОДСНЕЖНИК

Еще не раз на том пригорке

Погубит лося талый наст...

А этот,

чуть проклюнув корку,

Уже взошел на свет,

глазаст.

Я не сорву его небрежно,

Его любимой не снесу.

Я с детства верю,

Что подснежник -

Сыночек солнышкин в лесу.

Мне судьбы особенной
не надо.

Я и так живу весь на виду
У озер лесных,
У снегопада,
У шершавых тополей в саду.
И хотеть иного нет резона.

Знаю:

если попаду
в беду,

Снег согреет,
Напоят озера,
А упасть деревья не дадут.

В просторы утра,
В обмелевший пруд
Купальщицами забрели березы.
И кружатся нарядные стрекозы,
И комары на приступы идут.
В природе, знаю,
Вечно торжество
Над человеческой грустью верховодит.
И ты невольно чувствуешь родство
С началом утра,
вспарывая воду.

ПО КАМЕ

У русских рек своя походка.
Спокойна темная вода.
Летит буксир,
Качая лодки,
Плывут раздольно города.
Замрешь,
Когда на зорьке волны
Речная спустит тетива.
Ты, Кама,
Только дочка Волги.
Так, значит, Волга
 какова!

Подрагивая,
"Ил" к земле спускался,
И мой сосед, проживший
 век в селе,
Как мальчик, возбужденно
 удивлялся
Тому, что открывалось на земле.
И было то достойно удивленья:
Отлетных журавлей столпотворенье,
А у реки
На рощи и поля
Раскинул город белые крыла.
Старинная,
 былинная,
 резная,
Кармином и белилами сверкая,
От островов до университета
Легла Казань -
От Волги до рассвета.

Опять собаки в Черноморке лают.
Над берегом набухшие сады.
Идет баржа,
И город Николаев
Трепещет огоньками впереди.
Висит серьга луны за маяком,
Шагают тени тополей по берегу...
Как просто все,
 но в горле ссохся ком,
И ничего теперь с ним не поделаю.
Все в мире просто:
Берег и волна,
И занавески скромненького ситца...
Мгновение.
 А жизнь моя полна.
Когда еще такое повторится?

Моя соседка золотоволосая
Платочек нервно комкает в горсти;
В парижском* клубе
Нынче крутят "Зосю",
И от экрана глаз не отвести.
Идет кино о фронте,
 о любви...
И вдруг в рядах,
От напряженья тихих,
Взорвался голос:
- Бригадир, на выход!
И хлынул в зал дурманный всплеск травы.
И покачнулась тень в безмолвном зале;
Петрович шел,
Ворча себе под нос...
Ах ты, Париж,
 челябинские дали,
Назавтра здесь,
 в столице,
 сенокос.

* Париж - село на юге Челябинской области.

СИРЕНЬ

Была вполне обычной
 плавка.
Весь в белой ярости металл
То разливался морем плавно,
То громы-молнии метал.

Потом я взял его в ладошку,
И столько было в нем тепла,
Что по всему Магнитогорску
Сирень внезапно зацвела.

В ГОСТЯХ

На станции дальней таежной
Меня приютил у себя
Обходчик железнодорожный.

Запомнилась эта изба.
Портрет космонавта
на стенке.

Приемник. Лохань на полу.
Жующий кудрявое сено
Теленыш лобастый в углу.
Как все немудрено и строго!
Как в детстве моем.

И легко
Забыл я усталость с дороги,
Запил я ее молоком.
И счастлив я был от привета,
От мира такого кругом.
Но дело, наверно, не в этом,
Не в этом,
А, может быть, в том,
Что чудо нечаянно вышло:
Родился за печкой сверчок
И начал почти что неслышно
Настраивать новый смычок.
Ах, как он играл безупречно,
Невидимый людям скрипач!
А было-то:
Русская печка,
Нас двое да вечер беспечный,
Кувшин с молоком да калач.

БЕРЕЗОВОЕ СОЛНЫШКО

Березки бегут на увалы,
Ветра за собой торопя...
Короткое лето Урала,
К тебе возвращаюсь опять.
И мамины руки незримо
Уводят меня на поля,
Где дремлют колосья.

Над ними

Тропинками звезды пылят.
А где-то желтеет оконце,
С которым
Я в кровном родстве.
Домашнее
 милое солнце
В березовой светит листве.

Наш старенький дом.
Обгоревшую краску
Смывают дожди,
Зарядив, как на грех.
Спасибо вам, плотники,
Что не напрасно
Скатали родительский дом на горе.
Отсюда округа
Вся как на ладошке.
Сидят на скамейке
Мои старики.
Привстали на цыпочках
Возле окошка
Недавно посаженные топольки.
Наш старенький дом,
Словно к верному другу,
Вернулся к тебе -
С плеч свалилась гора.
Последние листья
Прилипли к фрамуге
И, как светлячки,
Для прохожих горят.

И снова в наступленье осень
Идет на наши рубежи.
Разрезав проволокой просинь,
Столбы застряли среди межи.

Все как на старой акварели,
Где серым брошены штрихи.
И воробьи оцепенело
Глядят на мир
из-под стрехи.

АИСТЫ

Пей, девчонка моя, лекарства,
Шей белье,
Распашонки шей.

Слышишь: крылья в ночи...

Это аисты

Из-за моря несут малышей.

Навзничь

Яростью

Опрокинута,

Задышается на лету

Стая белая аистиная,

Камнем падая в черноту.

За косою, за рыжей галькою

Крылья медленные шумят...

Что ж ты плачешь,

милая Галка?

Наши аисты долетят.

Лесные заповедные озера,
Как просеки, светлеют в сосняке.
Медвяные замедленные зори
купаются на синем сквозняке.

И ты идешь, срывая лебеду,
Навстречу мне из раннего тумана,
Не ведая ни горя, ни обмана,
А веруя в счастливую звезду.

И нам кукушка старая кукует,
И кружится, хмелея, вертолет.

Еще нескоро кто-то затоскует.
А кто-то письма в гневе разорвет.

Я женщину обидел сгоряча,
Наговорил ей громкого и злого.
Утих родник

 в тени карагача,
И в тесном горле задохнулось
 слово.

Деревьям обгоревшим не расти.
Есть у обиды праведная сила.
Та женщина могла меня простить.
Могла простить...
Но не простила.

Я никакой обиды не нанес ей,
Но, грузными монистами звеня,
Цыганка мне сказала:

- Будет осень,

И ты, красавец,

упадешь с коня.

Зачем ей это нужно было,

старой?

По правилам ли кончилась игра?

Я молод был,

Я был лукавый парень,

Не дорожил запасом серебра.

Но все равно в глазах ее раскосых,

Печально устремленных на меня,

Один ответ читал я:

- Будет осень,

И ты, красавец,

упадешь с коня.

По-разному случалось в эти годы.

Моя гадалка спит давно в земле.

А я живу,

Встречаю ледоходы

И поднимаю солнце на весле.

Еще далеко черная черта,

Еще не вскрикнул

Мой последний кочет.

И ночь-цыганка

Лезвие серпа

О черепицу

Понапрасну

Точит.

Желтый бубен луны
Опускается медленно в сад.
Разогнав мои сны,
В бубен яблони,
Как цыганята, стучат.
Мне почудилось: будто
В стекло барабанила ты.
Вышел из дому -
Пусто,
И ветки у яблонь пусты.

Одни воспоминанья от снегов.

Нахлынула весна из-за Урала.

Рябинник черен,

и летит с него

Грачей орда

налево и направо.

Мы второпях прощаемся с зимой.

Она еще над нами посмеется.

Еще не раз ладонью ледяной

Накроет в луже худенькое

солнце.

Но решена уже ее судьба,

Подсказывают шустрые тропинки...

У первого же встречного столба

Считаю вслух

Победные травинки.

СВЕТЛЫНЬ

Июль.

Пора попробовать литовки

Забойщикам

в недолгих отпусках...

И оселок,

звенит он

тонко-тонко:

Мужик-жик-жик...

Работает рука.

Отец ведет прокос

и с каждым взмахом

Глядит на землю -

Птах бы не сгубить;

Фуражка - на затылок,

взмокла майка,

И недокурок скользкий позабыт...

Все птах берег...

Не потому ль в артели

Последним он

Заканчивал свой клин?

Шагал домой.

И ноги молодели,

И раздвигала сумерки

Светлынь.

Я у отца учился мастерству,

И пусть теперь покоса не имею,

Смотреть в живую росную траву,

Чтоб не сгубить

светлынь земли, -

умею.

О детство сенокосное!
И веселы, и злы,
Артельщики
На косах
Солнце пронесли.
Качаются в охотку
Их спины в логу.
А я им лишь махорку
Подносить могу.
Да еще воду в ковшик
Цедить через платок.
Еще я бестолковщина -
Идет восьмой годок.

ХЛЕБ

В пятидесятом было это.
С глухим Иваном Бубенцом
Я пас коров
 второе лето,
Как было велено отцом.
...Мы молоко хлебали долго
И лишь потом за хлеб брались.
Его делил Иван,
Но долька -
Не толще, чем капустный лист.
Он говорил:
- Чем тоньше ломтик,
Тем больше кажется.
 Ты вял?
И был доволен тем, что ловко
Он учит мудрости меня...

ПЕТУХ

Пронеслись над крышей дома
птицы...
Реактивный прокатился гром.
И петух,
Вспорхнув легко на спицу,
Замахал заржавленным крылом.
Прадеда завидная работа:
Ураганом
Крылья не сломать.
Неужели трудно самолетам
В петухе сородича признать?
Пусть его полеты недалеко,
Потолок над крышей невысок, -
Многим
в небо
Указал дорогу
На ветру охрипший петушок.

В пустыню превратив поля,
В погосты -
 города,
 селенья,
Смеялся хан в седле -
Целебно
Горела для него земля.
Орда летела, как самум,
Сверкали сабли и подковы...
Смеялся хан,
 не шло на ум,
Что за рекою -
Куликово.

МУЗЕЙНАЯ КАРТА

Заклеена,
Трижды пробита,
Живая всей "контре" назло,
С комбригом она от Ирбита
Летела на Камышлов.
И дальше -
Под трубы лихие
По жаркому ветру пустынь...
Одна на планете Россия,
Но много в России святынь:
Великих,
И малых,
И просто
Не найденных в топоте дня.
О них расшибаются грозы
И плавится вражья броня.

РОДИЧИ

Каждый дом их памятью согрет,
Не померкнут в ней родные лица...

Чтобы обелискам

Поклониться,

Мне не хватит в жизни зим и лет.

У меня лежит за Вислой родич,

И за Волгой родич,

и за Мгой...

Мне осталась каска.

- "Не уронишь?"

Если уроню -

то с головой!

БУХТА НАДЕЖДЫ

Каменистая бухта...
Идут корабли невесомо...
В боксах дремлют зенитки,
Стволы опустив к земле.
Вы простите меня,
Дорогой лейтенант Новоселов,
Что одет не по форме,
Что нынче отбой не по мне.
Понимаете...
Впрочем, вы все понимаете...
Третий год за границей,
Не к теще пришел на блины.
Здесь унылая кирха
Торчит из белесых туманов,
И маяк по-немецки
Мигает со стороны.
Я назавтра проснусь,
Все забуду до следующей ночи.
Служба дело такое -
Без сердца служить не берись.
Но пока тишина
И спокойное море рокочет,
Взяв шинельку,
 уйду
На давно облюбованный мыс.
Тихо лягу в траву,
Чтоб ребят на постах не тревожить,
Стану звезды считать,
Пароходы,
Прибрежные светляки...
А потом я угадывать буду,
В какой стороне Поволжье

И, конечно, Урал,
Где еще не уснули
Мои земляки.

Укатилась луна,
В облаках пробивая дорожку,
И подкрался неслышно
К заливу датчанин-бриз.

Ты, наверно, опять
Распахнула в сирень окошко,
И сирень отвечает
Вечернею радугой брызг.

Сколько нам остается?
Какой-нибудь месяц...

Угрюмо

Время двигается еще...

А вчера пришла почта,
Пропахшая рыбой и трюмом,
И посылки пришли.

Нам досталась одна
на расчет.

Это мама моя

Посылаетстряпню и варенье,
Шерстяные носки,
Словно здесь Заполярный Урал.

Одного не учла,
одного -

Через три воскресенья
Нас поднимут в дорогу,
Как трубы,
шальные ветра.

...Начинается стынь.

Что ж, на Балтику это похоже.

В ночь такую не стоит
Снимать на траве сапоги.
Я тебе расскажу,
Как ходили мурашки
 по коже,
Когда в городе Н
Я увидел
 четыреста
 наших могил.

Мы стояли в строю,
Автоматы подняв для салюта,
И пацан-первогодок
На камень упал, как тень.
- Папа!
- Папа! -
Кричал.
А на камне:
 "Боец Милютин,
45-й, апрель, 21-й день..."

Вот какие дела...
Караулы сменяются,
И волна заливная
По гальке прибрежной хрустит.
В том же городе самом
На каменной площади Наций
Попросил огонька у меня
Пожилкой инвалид.
Он прикуривал долго,
Огонь сигарета ловила.
А когда пошагал,
По бетонке протезом стуча,
Я представил войну

И как он, полагаясь на силу,
Поджигает хатенки,
Насилует русских девчат...
Знаю немцев других,
С кем вели мы ученья
 в распутицу,
Коммунистов Дахау,
Тельмана,
 Шменкеля,
 Зорге...
Поднимается в рост
Молодая седая республика,
И ее рубежи
Охраняют ровесники зорко.

Вновь мигает маяк
Одиноким и жутким циклопом.
"Каравелла" летит
С бирюзовым огнем на крыле...
Дорогая моя,
Здесь,
На севере старой Европы,
По-особому чувствуешь
Тягу к родимой земле.
Ну, а если с рассветом
Тревога жестокая ухнет,
Будем биться за эту...
Отцы с нею в кровном родстве.

...Разных стран корабли
Без опаски приветствуют бухту.
Часовые сменяются.
Наступает балтийский рассвет.

Невозмутимы дни печальной осени.
Под золотом наград
Грустит забор.
И дремлют лодки
 на притихшем озере,
Начерпав стылой тины
 через борт.
Прощаюсь с летом.
 Тополя легки.
Вершат полет свой листья
По спирали
И покрывают мокрые мостки,
Где женщины вчера белье стирали.

ДВА ПЕЙЗАЖА

Нехитрый пейзаж
Зауральской России:
Стожки заметенные бродят
 в полях.

И ветки,
Как руки без варежек,
 вскинув,
Привстали березки
 на дальних холмах.

* * *

Опять метет.
 Просели домики
До самых ставенок в снегу.
И заблудились плоскодонки
На белоснежном берегу.
А во дворе все неизменно:
Слепит буран,
 трещит мороз.
И лишь поленницы заметно
Теряют к вечеру свой рост.

ДОРОГА

Дорога от порога -
 благодать.
Она еще и людна и полога.
Но есть у нас
 у каждого
 дорога,
Которую за горкой не видать.
Она бежит
Как будто между прочим
От суеты бетонки в стороне.
Дорога эта верстами короче,
Зато своею мудростью -
 длинней.